

- Основные направления исследования феномена идеологии в социально-критической традиции
- Культурный капитал устойчивого развития

УДК 101.1:316.75(091)

Основные направления исследования феномена идеологии в социально-критической традиции

Н. А. Ждановская, аспирант*

В статье анализируются предпосылки теоретического изучения феномена идеологии, а также выделены основные подходы к интерпретации данного феномена в рамках социально-критической традиции.

The Main Directions of the Study of Ideology in Social Critical Tradition

N. Zhdanovskaia, Postgraduate Student

The author analyses the preconditions of the theoretical study of ideology. The main approaches to the interpretation of the phenomenon in social critical tradition are examined.

Обретение Республикой Беларусь независимости и становление ее государственности актуализировало проблему теоретического обоснования этих процессов. Значительную роль на современном этапе играет концептуальное оформление идеологии Республики Беларусь, призванной выступить в качестве значимого фактора консолидации белорусского общества.

Исследование феномена идеологии предполагает обращение к парадигмам, в рамках которых в наиболее полном и системном виде объясняется ее природа, происхождение, изучаются ее структура и функции в обществе.

Социальные и психологические предпосылки формирования идеологии как феномена начали исследоваться в эпоху Нового времени. С исторической точки зрения данная эпоха характеризовалась коренной сменой мировосприятия, что в первую очередь выражалось в процессе секуляризации общественной жизни и сознания индивидов. Господствовавшее в Средние века религиозное мировоззрение основывалось на восприятии существующих общественных отношений через призму трансцендентного. Смысл человеческого бытия был соотнесен с религиозными ценностями. Таким образом, основой социальной интеграции, фундаментом общественного уклада выступали иррациональные факторы, не поддающиеся в полной мере разумному обоснованию и осмыслению. Их реализация в рамках конкретных социумов осуществлялась посредством церковных институтов.

С отступлением церкви в качестве регулятора общественного развития на второй план эта функция переходит к государству. Вместе с тем возникает необходимость построения рациональной системы представлений об окружающей действительности. Эта задача, однако, усложняется наличием в сознании людей различных предубеждений, мифов, искажающих представление о действительности (примером тому могут служить «идолы» Ф. Бэкона, служащие определенным прообразом теоретического осмысления идеологического сознания). Ф. Бэкон выделял в качестве факторов, искажающих видение реальности, человеческие интересы, психологические особенности субъектов, особенности их коммуникативной практики.

Параллельно с изменениями в социальной среде осуществлялась теоретическая разработка их концептуальных основ. Из социально-философских предпосылок исследования феномена идеологии можно рассматривать деятельность А. Л. К. Де-стюта де Трасси, который впервые использовал термин «идеология» в своей работе «Элементы идеологии». Им была предпринята первая попытка объединить объективную реальность и субъективное восприятие ее индивидами.

Под идеологией де Трасси понимал учение об идеях как феноменах психической деятельности человека. Основным тезисом его работы выступало положение о ведущей роли чувственного опыта в процессе формирования идей. Поскольку данный вид опыта имманентно присущ любому индивиду, то «идеология» должна стать основой для построе-

* Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

ния любых социальных и политических программ, ибо ее восприятие естественно для человека [1]. Идеология понималась де Трасси в качестве светской религии, то есть системы идей, выполнявших, подобно религии, консолидирующую функцию в социуме, но основанных на рациональном представлении о мире. Иного представления о данном феномене придерживался К. Ф. Вольней, акцентирующий в своих работах негативную роль религии в обществе, и противопоставляющий ей идеологию как прогрессивную концепцию. Ж. П. Кабанис сближается с де Трасси в своих представлениях о естественно-психологическом происхождении данного феномена.

Вышеупомянутые мыслители представляли определенную политическую группу, за которой закрепилось название сообщества «идеологов». В связи с этой группой Наполеон использовал слово «идеология» в негативно-ироническом смысле, понимая под «идеологами» адептов нереализуемых политических программ. В подобном употреблении «идеология» становится синонимом утопии. Принципиальное разграничение этих понятий в контексте социально-философского дискурса оформляется лишь в социологии знания К. Манхейма.

В дальнейшем изучении феномена идеологии в рамках социально-критической традиции можно выделить три основных подхода:

1. Социально-экономический (К. Маркс, Ф. Энгельс). Данный подход, с одной стороны, интерпретирует идеологию в рамках концепции о превращенном или ложном сознании, а с другой – анализирует механизмы ее воздействия сферу экономических общественных отношений.

2. Социально-проективный (К. Манхейм), акцентирующий внимание на стабилизирующей функции идеологии в обществе.

3. Лингвopsихоаналитический (М. Пешё, П. Серрио, С. Жижек), оценивающий идеологию как один из видов политического дискурса.

Социально-экономический подход. Основной заслугой марксизма можно считать детальный системный анализ идеологии как феномена социального бытия: в его рамках были проанализированы ее источники, структура, функции.

Следуя традиции, заложенной еще Ф. Бэконом и «идеологами», К. Маркс и Ф. Энгельс усматривают источник идеологических заблуждений в сознании людей, преломляющем и искажающем реальность. «Люди до сих пор всегда создавали себе ложные представления о себе самих, о том, что они есть или чем они должны быть. Согласно своим представлениям о Боге, о том, что является образцом челове-

ка, и т. д. они строили свои отношения» [2, с. 11]. Феномен идеологии наиболее детально рассмотрен К. Марксом и Ф. Энгельсом в работах «Немецкая идеология», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также – в письме Ф. Энгельса к Ф. Мерингу от 14 июня 1893 г.

Теоретический контекст для марксистской концепции идеологии составила предшествующая К. Марксу и Ф. Энгельсу немецкая философия. Обозначая ее как религиозную, они критиковали ее за то, что она исходила из идеалистических предпосылок и устанавливала примат религии и теологии, то есть нерациональных оснований существования социума [3, с. 17].

В противовес данной методологии, марксистская парадигма основывалась на материальных условиях существования индивидов в обществе. «В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, – мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически, и который связан с материальными предпосылками» [2, с. 25].

Из этого следует принцип первичности бытия по отношению к сознанию: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий» [2, с. 27].

При этом К. Маркс осуществляет принципиально иную по сравнению с предыдущими философами интерпретацию феномена сознания. Он погружает сознание в контекст общественных отношений, обращая внимание на его функциональную природу. Как отмечает М. К. Мамардашвили, «...В промежуток между двумя членами отношения “объект (вещественное тело, знак социальных значений) – человеческая субъективность”, которые только и даны

на поверхности, он (Маркс. – Н. Ж.) вводит особое звено: целостную систему содержательных общественных связей, связей обмена деятельностью между людьми, складывающихся в дифференцированную и иерархическую структуру» [4, с. 15]. В работе «Немецкая идеология» данный феномен описан следующим образом: «Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития, люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [2, с. 25].

Вместе с тем коллективное сознание определенной социальной группы, основными из которых являются классы, еще не может породить идеологию как социальное явление. Формирование ее в этом качестве осуществляется интеллектуальной элитой каждого класса, а именно – соответствующей политической партией. При этом представители данной партии могут придерживаться различных целей при выработке идеологии, в зависимости от чего она может служить как во благо, так и во вред классу. Следует подчеркнуть, что, согласно марксизму, только марксистская идеология как систематизированное выражение интересов рабочего класса относится к первой категории. Для легитимации ее в рамках марксистского подхода стал применяться конструкт «научной идеологии».

Таким образом, важная роль в формировании идеологических конструктов отводится К. Марксом социальной среде, в которой формируется индивид, ситуации, которую он застает на той или иной фазе развития, определенному виду общественных отношений и т. д. Сознание рассматривается лишь как производная от системы общественных и, прежде всего, производственных отношений.

В рамках мыслительной деятельности генезис ложного сознания связан с феноменом фетишизации. Его суть состоит в том, что явления, отношения или идеи наделяются свойствами, которыми на самом деле не обладают вне человеческого сознания. Фетишизации могут подвергаться различные общественные отношения, явления (например товар), а также сами идеи (идеологическая фетишизация). Так, на место подлинного социального значения, улавливаемого в такой чувственно-сверхчувственной вещи, как товар, становится самоценность вещи, ее денежная стоимость. Вместо

системы социальных отношений людей набирает силу фетишизированная система общественного отношения вещей. Взятая в таком ракурсе, социальная действительность выступает как предмет объективного научного изучения. Выявление социального измерения идеологических феноменов обнаружило их особую предметность, поддающуюся описанию в терминах социально-философской теории.

В наиболее полной мере феномен фетишизации может быть проиллюстрирован примером такого явления, как товарный фетишизм. Суть данного феномена состоит в придании некоторым товарам, прежде всего деньгам, иных свойств, кроме тех, которые были присущи им имманентно: «Объективно любая вещь существует как наделенная определенными качествами. Природное бытие вещи означает полную самобытность, лишь случайно удовлетворяющую потребности человека. Кардинально иным качеством – служить человеческим потребностям – вещь наделяет иное: человеческий труд, извлекающий вещь из ее непосредственного природного бытия и опосредующий ее в качестве предмета потребления» [5, с. 193].

Подобная характеристика сознания нашла свое дальнейшее развитие в концепции превращенной формы, под которой К. Маркс понимал «форму действительного существования» сложных систем [6, с. 460]. В структуру превращенного сознания входят следующие элементы: 1) трактовка мира как воплощения идей; 2) иллюзии об абсолютной самостоятельности идей (идеологический фетишизм); 3) конституирование мнимой реальности [7, с. 387].

Таким образом, в рамках социально-экономического подхода основной функцией идеологии выступает маскировка реальности, сокрытие ее от индивидов, чему К. Маркс и Ф. Энгельс дают весьма негативную оценку. В такой интерпретации идеология становится препятствием на пути к преодолению феномена отчуждения и перехода к коммунизму как подлинной истории человечества. При этом необходимо отметить, что в марксистской философии глубокому анализу подвергаются экономические отношения в обществе, и именно применительно к ним раскрываются механизмы действия идеологии.

Социально-проективный подход. Идеи социальной философии К. Маркса получили новое звучание в «социологии знания» К. Мангейма, концепции, обнаруживающей преемственную связь по отношению к марксистской социальной теории. Оба мыслителя относят идеологические образования к имманентно присущим проявлениям сознания, и потому делают вывод о том, что полностью искоренить их невозможно. Кроме того, для

К. Манхейма остается актуальной роль правящего класса в формировании идеологии в социуме.

При этом, однако, между марксистской парадигмой и «социологией знания» существуют значительные различия. Прежде всего, К. Манхейм предлагает иной подход к анализу феномена сознания, несколько отличный от подхода К. Маркса. Психологические причины появления идеологических искажений кроются, согласно К. Манхейму, в самой структуре человеческого сознания, включающего как рациональные, так и иррациональные элементы.

Рациональность сознания, в свою очередь, разделяется на субстанциальную и функциональную [8, с. 293]. Субстанциальная рациональность – это стремление к объективному постижению существующей реальности. На уровне психики подобное осмысление осуществляется посредством мыслительных актов, соответственно, именно они оказываются рациональными «по своей субстанции» [8, с. 294]. В то же время за рамки рационального выводятся все другие способы восприятия реальности: чувства, эмоции, желания и т. д. В то же время они также имманентно присущи человеческой психике и составляют, соответственно, иррациональную основу мировосприятия.

Что касается функциональной рациональности сознания, то она проявляется в целеустремленной деятельности индивида, предполагающей процессы целеполагания и целедостижения. При этом все, что препятствует осуществлению данных процессов, характеризуется как функционально иррациональное. К данной области можно отнести уже упоминавшиеся эмоции, чувства, желания и т. д., а также и мыслительные операции, которые не соответствуют данной последовательности действий.

Кроме того, К. Манхейм приводит более развернутую, по сравнению с марксизмом, схему возможных мотивов продуцирования идеологических конструктов. Она включает в себя три варианта:

1) субъект не замечает несоответствия своих взглядов реальности в силу социальной обусловленности его мышления и имманентной ему аксиоматики;

2) субъект может обнаружить различия между своими действиями, с одной стороны, и идеями – с другой, однако не делает этого, «руководствуясь витальным инстинктом»;

3) вариант, при котором идеологическая позиция основывается на сознательном притворстве и, таким образом, обмане окружающих [9, с. 167].

Соответственно, в рамках «социологии знания» причины появления идеологии не сводится исклю-

чительно к классовым, экономическим и социально детерминированным интересам. Они, как можно видеть, стали у К. Манхейма лишь одной из возможных причин генезиса данного феномена.

При этом, однако, К. Манхейм, как и К. Маркс, уделяет большое внимание изучению социальной среды, влияние которой на субъектов в процессе формирования их идеологических представлений не утрачивает для него своей актуальности. В то же время понятие социальной среды рассматривается в парадигмах марксизма и социологии знания различно. В рамках марксизма она во многом синонимична производственным отношениям, «базису», на основе которого формируется идеологическая надстройка. К. Манхейм значительно расширяет значение данной категории, приравняв ее к феномену культуры: «Видеть в культуре лишь отражение экономических структур совершенно неправомерно. <...> В этом воздействии следовало бы видеть постоянно действующее «посредничество», своего рода передаточный ремень, который переводит появляющиеся в экономике новые принципы, соответственно преобразуя формы обобществления, в область культуры. <...> Они – общие социологические принципы; просто мы (в соответствии с особым характером нашего научного развития) открыли и внимательно исследовали их сначала в экономике» [8, с. 280–281].

В общественном бытии, как и в сознании, по мнению К. Манхейма, также существуют иррациональные компоненты, связанные с массовизацией общества и возрастанием роли толпы в его функционировании. «В массе человек значительно легче поддается влиянию, действию неконтролируемого взрыва влечений и психическим регрессиям, чем изолированный или органически связанный с небольшими объединениями и прочно пребывающий в них человек» [8, с. 299].

При этом, однако, иррациональность не всегда имеет отрицательный характер. Свои негативные последствия она обнаруживает только при проникновении ее в политику, когда «массовизированный аппарат демократии вводит иррациональность в такие области, где необходимо рациональное управление. Тогда средствами демократии достигается противоположное тому, что было первоначальным смыслом демократизации» [8, с. 301].

Следует отметить, что, помимо сознания, К. Манхейм придает большое значение функционированию подсознательного – не только на уровне конкретного индивида, но и на уровне общества в целом и выделяет помимо коллективного сознания, коллективное бессознательное как «иррациональную основу рационального знания» [9, с. 33].

В качестве теоретического достижения социологии знания было выделение различных уровней самой идеологии: частичного и тотального.

При выработке идеологии массами мы, как правило, имеем дело с частичной идеологией, которая относится к конкретному индивиду и означает несогласие с идеями противника, которые характеризуются как ложные. При этом ложность может проявляться на одном из трех уровней, о которых шла речь выше. «Как идеологию взгляды противника начинают расценивать с того момента, когда их не считают больше заведомой ложью, но ощущают во всей его позиции некую неправду...» [9, с. 59–60]. Можно заметить, что в марксизме аналогичное определение могло быть дано классовой психологии, которая, согласно К. Марксу, является продуктом функционирования массового сознания.

Понятие тотальной идеологии, в то же время, отличается от идеологии, выработанной элитой. Речь о ней идет в том случае, когда под сомнение ставятся не только отдельные идеи или высказывания противника, но в целом все его мировоззрение, самая способность адекватно мыслить.

Кроме того, К. Маркс отвергает возможность исторической эволюции идеологий самих по себе, вне связи с развитием общественного бытия. Идеи, согласно Марксу, являются производными от общественных отношений, и поэтому не могут самостоятельно изменяться с течением времени. Их изменение всегда коррелирует с изменением общественных отношений, которое реализовывает индивид.

В отличие от К. Маркса, в концепции К. Манхейма эволюция идей не так строго детерминирована социальными преобразованиями. К. Манхейм указывает, что идеи, ценности и приоритеты варьируются от эпохи к эпохе. Более того, сами эпохи различаются историками путем расстановки акцентов на тех или иных их компонентах, а это уже является оценочной операцией. Таким образом, он констатирует взаимное влияние идей, идеологий и систем ценностей, с одной стороны, и экономических, производственных отношений – с другой.

Важнейшая проблема, которую поднимает К. Манхейм, это разграничение понятий идеологии и утопии. Для К. Манхейма утопия – это идея, постигаемая скорее как «формальная цель, проецируемая в бесконечное будущее, функция которой состоит в том, чтобы действовать исключительно как регулятивный план в земных делах» [9, с. 178]. Идеологическое сознание направлено на сохранение и фиксацию существующих общественных отношений, утопическое – на его изменение. Идео-

логия, таким образом, выступает у К. Манхейма как «необходимое зло» – как маскировка истинного положения в обществе, но, с другой стороны, как общественный стабилизатор. При этом сама динамика общественного развития способствует устойчивости идеологических догм: «Купец, предприниматель, интеллектуал – каждый на свой лад – занимает положение, которое требует рациональных решений в делах повседневной жизни. Для того, чтобы принять такого рода решения, индивиду необходимо освободить свое суждение от постороннего влияния и рационально, с точки зрения своих собственных интересов, продумать ряд вопросов. Это не распространяется ни на прежних крестьян, ни на недавно появившийся слой низших служащих – “белых воротничков”; их положение не требует особого проявления инициативы или спекулятивного предвидения. Их поведение до известной степени регулируется мифами, традициями и верой в вожда» [9, с. 36].

Лингвopsихоаналитический подход. Новый ракурс в социально-философской проблематике изучения идеологии обнаруживает себя в творчестве С. Жижека. Анализируя различные направления изучения данного феномена, он обращает внимание на фетишизацию сознания, исследованную в рамках марксистской парадигмы и рассматривает ее применительно к отношениям власти: «Феодальный король являлся королем только потому, что подданные относились к нему как к королю. При этом, однако, подданные действовали так, словно король является королем “сам по себе”, и потому относиться к нему нужно именно как к королю. В свою очередь, тоталитарный лидер раскрывает механизм его легитимации, основываясь не на том, что “вы должны следовать за мной, поскольку я ваш лидер”, а “я ваш лидер, поскольку вы избрали меня, и я представляю ваши интересы и желания. Именно ваша воля делает меня лидером”» [10, с. 32, 148–149].

Кроме того, С. Жижек акцентирует внимание на присущем современному обществу циничном восприятии действительности, исследованном в работах, в частности, П. Слотердайка. Солидаризируясь с этим автором, С. Жижек делает вывод о том, что идеология, по существу, не является искажением реальности – она и есть сама эта реальность, существование которой возможно только при искажающем эффекте человеческого сознания. Он вводит в оборот конструкт «тоталитарный смех», который указывает на то, что для современного общества характерно такое отношение к идеологии, при котором индивиды осознают ее ложность, но в то же время продолжают

подчиняться ей, как если бы она были истинна. «В современных обществах, будь то демократических или тоталитарных, такая циническая дистанция, смех, ирония выступают, так сказать, частью принятых правил игры. Господствующая идеология не предполагает серьезного или буквального отношения к себе. Возможно, самую большую опасность для тоталитаризма представляют люди, следующие его идеологии буквально...» [10, с. 34] Поэтому более актуальным является для С. Жижека не социально-политическое, а семантико-психологическое измерение феномена идеологии.

Данный подход нашел отражение в работах представителей французской школы анализа дискурса (М. Пешё, П. Серио и др.) [11]. В рамках данной парадигмы феномен идеологии раскрывается через лингвистические особенности составления идеологических текстов, а также сквозь призму интерпелляции личностей как субъектов. Это направление, называемое «автоматическим анализом дискурса», находится на пересечении анализа идеологии в качестве социального явления и политического дискурса, в то же время позиционируя себя как кардинально отличное от этих последних. Рассматривая идеологию как текстуальное отражение реальности, представители анализа дискурса обращаются к когнитивной и компаративной лингвистике, а также к методам постнеклассического психоанализа в целях дескрипции соотношения между интерпретацией идеологических текстов и существующими общественными отношениями.

В творчестве М. Пешё особое внимание уделяется социальной погруженности всякого дискурса, в том числе и политического, указывается на то, что самое чтение текста представляет собой процедуру семантического переосмысления и переоценки написанного, оно представляет собой акт созидания новых смысловых реалий. В своей работе «Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия» М. Пешё анализирует проблему субъекта идеологического дискурса, а также роль самоочевидных и самореферентных высказываний в формировании идеологии. Поскольку «ясно, что вы и я являемся субъектами (свободными, юридическими и т. д.)» [11, с. 260], идеология представляется вездесущей, ибо она обращается к индивидам, как к субъектам. С этим связан феномен интерпелляции идеологией субъектов, который имеет двойственное значение, основанное на неоднозначном переводе французского слова *interpellation*, что означает как окликанье, так и задержку с целью проверки документов. Согласно

М. Пешё, подобная амбивалентность смысла характеризует различную степень воздействия идеологических конструкций на бытие субъектов.

В целом, работы М. Пешё объединяют постмарксистскую традицию, в частности, идеи Л. Альтюссера а также элементы психоанализа Ж. Лакана и номинализма Г. Фреге.

Идеи М. Пешё были развиты другими представителями анализа дискурса, в частности, П. Серио. Объектом его исследования выступал советский политический дискурс, анализ которого он осуществлял на основании текстов выступлений Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева. Рассматривая данные тексты в оригинале и в переводе на французский язык, П. Серио замечает, что при переводе тексты утрачивают значительную часть идеологической нагрузки, и связывает это с двусмысленностью номинализаций, которая присутствует в русском языке и исчезает во французском. Примером того могут служить лингвистические конструкции с употреблением родительного падежа, типа «одобрение народа». П. Серио отмечает, что данная конструкция может означать, что «некто одобряет народ» и что «народ одобряет кого-либо» [11, с. 345]. При переводе на французский язык подобная двусмысленность исчезает. Соответственно, идеологические элементы дискурса, с одной стороны, имеют чисто лингвистический аспект, а с другой – тесно связаны с социальной реальностью, в которой они зарождаются. Школа автоматического анализа дискурса, таким образом, продолжает, с одной стороны, традиции предшествующих подходов к изучению феномена идеологии в рамках социально-критической традиции, а с другой – придает данным идеям новое звучание, рассматривая их с точки зрения новейших достижений философского, лингвистического и логико-математического знания.

В современном мире все большее значение приобретает процесс глобализации. Параллельно, однако, набирает силу и противоположное ему явление – регионализация, в ходе которой мир разделяется на несколько блоков, различных по своим сущностным характеристикам. Среди них выделяется блок так называемых переходных, или транзитивных социумов, для которых весьма остро стоит проблема цивилизационного выбора пути развития. В этих условиях для данного типа обществ актуализируется проблема идеологии в качестве теоретического обоснования выбора цивилизационных приоритетов.

Республика Беларусь, несомненно, относится к данной категории обществ. Именно поэтому идеологическое обоснование избираемой модели

социально-экономической эволюции представляется для нее весьма актуальным. Для решения этой задачи необходимо не только детально ознакомиться с философскими традициями изучения и интерпретации феномена идеологии, но и проанализировать их эвристический потенциал применительно к белорусским реалиям.

Список цитированных источников

1. *Destutt de Tracy, A. L. Elements d'Ideologie* / A. L. Destutt de Tracy. – Paris, 2001.
2. *Маркс, К. Немецкая идеология* / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 58 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 3.
3. *Медушевский, А. Н. Социология права* / А. Н. Медушевский. – М., 2006.
4. *Мамардашвили, М. К. Анализ сознания в работах Маркса* / М. К. Мамардашвили // *Вопр. философии*. – 1968. – № 6.
5. *Родченко, К. Тема сознания в отношении проблематики гражданского общества у Маркса* / К. Родченко // *Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева*. – СПб., 2002.
6. *Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии* // Сочинения: в 23 т. / К. Маркс. – М., 1960. – Т. 1., Кн. 1: *Процесс производства капитала*
7. *Мамардашвили, М. К. Форма превращенная* / М. К. Мамардашвили // *Философская энцикл.*: в 5 т. – М., 1970. – Т. 5.
8. *Манхейм, К. Человек и общество в период преобразования* / К. Манхейм // *Диагноз нашего времени*. – М., 1995.
9. *Манхейм, К. Идеология и утопия* / К. Манхейм // *Диагноз нашего времени*. – М., 1995.
10. *Жижек, С. Возвышенный объект идеологии* / С. Жижек. – М., 1999.
11. *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса* / под общ. ред. П. Серио. – М., 1999.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.06.08.